

Д ж о р д ж Р ю д е

НАРОДНЫЕ НИЗЫ в ИСТОРИИ
1730 – 1848

Перевод с англ. Е.Бухаровой и О.Зелениной
Предисловие и редакция д.ист.н. М.А.Барга

М.: Прогресс. 1984

Веб-публикация: редакторы сайтов Vive Liberta и Век Просвещения 2008

В библиотеке Vive Liberta ранее опубликована главы из этой работы «Французская революция: политический бунт, продовольственный бунт, трудовые конфликты» (<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/rude.pdf>), «Лики толпы. Характер волнений и поведение масс. Победы и поражения народных низов» (<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/rude2.pdf>), «Идеология и классовое сознание» (<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/rude3.pdf>).

АНГЛИЯ в XVIII в.

В Англии в XVIII в., если не считать открывших его бурных лет правления королевы Анны, сохранялась относительно спокойная обстановка вплоть до 90-х гг., когда дали о себе знать последствия Французской и промышленной революций. Этому периоду и посвящена данная глава, а последовавший бурный этап общественного развития будет рассмотрен ниже.

После «Славной революции», положившей конец борьбе между королем и парламентом, страна управлялась «ограниченной» монархией, окончательно установившейся с воцарением Ганноверской династии, в годы которой ожесточенная борьба между вигами и тори (достигшая апогея при королеве Анне) утихла. С ограничением королевской власти суверенитет был поделен, по крайней мере в представлении английских правоведов, между королем, палатой лордов и палатой общин. В действительности же государственные дела вершили король и аристократы-землевладельцы, занимавшие господствующее положение в обеих палатах парламента. Само общество по сути своей оставалось аристократическим, в том смысле что представители земельных интересов — лендлорды — доминировали не только в парламенте, но и в муниципальных органах власти, при отправлении правосудия и были законодателями мод в культуре и искусстве. Аристократия и джентри в гораздо большей степени, чем торговое сословие и ганноверский двор, навязывали свою идеологию (осуществляли идеологическую гегемонию, по выражению Грамши) всем остальным социальным группам.

Однако и среди самих правящих классов существовала социальная группа, упорно противостоявшая этой идеологической инфильтрации. Лондонское Сити превратилось в течение веков в оплот купечества и ремесленников; и XVIII в. в Англии, несмотря на относительное прекращение ожесточенной борьбы, стал свидетелем многочисленных конфликтов по торгово-экономическим вопросам между Сити (представленным плутократами из Совета олдерменов и более плебейским по составу Общинным советом), с одной стороны, и королем, за которым стояло парламентское большинство (в тот период, как правило, виги), — с другой. Эти конфликты, порождавшиеся главным образом экономическими интересами, выражались в борьбе политических фракций. Примечательно, что представительные органы Сити, в которых тори, виги или «радикалы»

сменяли друг друга, постоянно оказывались в оппозиции к политике Вестминстера и Сент-Джеймского дворца в период от 20-х и до начала 80-х гг. XVIII в. Ниже еще пойдет речь о том, что интересы буржуазии в то время представляло купечество, а промышленная буржуазия как сила, которую следовало принимать в расчет, еще не возникла.

Основанием этой социальной пирамиды были трудящиеся, или «народные» классы, которые, не имея в большинстве своем права голоса на выборах, тем не менее, если отвлечься от представителей социального дна, объединившись, становились значительной политической силой. Даниэль Дефо в 1709 г. в своем эссе, отличающемся глубиной и проницательностью, называл их «рабочим людом», «бедняками», «обездоленными».² В городах, больших и малых, это были мелкие лавочники, ремесленники, неквалифицированные рабочие, имевшие более или менее постоянное занятие, и социальное дно, «беднейшие из бедных» — надомники, больные, бедняки без средств к существованию, нищие, бродяги, одним словом, все те, кого Патрик Коулкун в конце века причислял к «преступным элементам». В деревнях Дефо различал сельских жителей — фермеров и др., живших сносно, относя к этой группе, очевидно, мелких фригольдеров и йоменов; коттеры же и батраки принадлежали к «бедноте». Это был удовлетворительный анализ положения бедноты и трудового населения в начале XVIII в., однако вскоре аграрная революция привела к значительным социальным переменам: в результате ее многие фригольдеры и коттеры исчезли, а число батраков увеличилось, наконец, положение многих фермеров стало еще более «сносным». Отныне то, что еще оставалось от прежнего крестьянства, стало постепенно исчезать, и английская деревня, с ее трехчленным делением (сквайры, фермеры и батраки), начала приобретать современный облик.

Несмотря на относительно «мирную» социальную обстановку, конфликты в отношениях между имущими и неимущими сохранялись — между обезземеленными фригольдерами, городскими ремесленниками и наемными рабочими, «рядовыми потребителями» и имущими классами — торговцами, джентри и богатеющими фермерами, а иной раз самим правительством и парламентом. Представляется целесообразным разбить все массовые выступления протеста этого периода на четыре группы: аграрные волнения, трудовые конфликты, голодные бунты или бунты против дороговизны и, наконец, различного рода городские бунты — от волнений до восстаний. Остановимся подробнее на каждой из этих групп, а также рассмотрим соответствующие идеологические причины народных движений, как «унаследованные», так и «привнесенные».

Начнем с аграрных волнений, которые, как уже говорилось, в Англии того времени были ограничены определенными рамками и не отличались ожесточенностью, характерной для классических крестьянских войн, бушевавших тогда в Восточной Европе, или крестьянских бунтов, возобновившихся во Франции после 60 лет затишья. В Англии такие бурные столкновения XVII в. ушли в прошлое. Э.Р.Томпсон писал в этой связи: «Времена и люди изменились. XVIII в. породил «вольных стрелков», которые на свой страх и риск ломали изгороди, крали лес, занимались браконьерством, массовые же крестьянские восстания были чрезвычайно редки».³ К тому времени в Англии исчезли последние остатки феодализма в деревне, и его место заняли торгово-капиталистические отношения. Конфликты в сельской местности возникали в ответ на перемены, сопутствовавшие аграрной революции, в ходе которой лендлорды и фермеры огораживали поля, присваивали в исключительную собственность общинную землю и устанавливали заставы и шлагбаумы на дорогах, а самые богатые из них превращали целые леса и рощи в свои охотничьи угодья. В ответ на это батраки и мелкие арендаторы уничтожали изгороди и заставы, распахивали огороженные земли, вырубали деревья в лесах и отстреливали дичь. В 1727, 1735 и 1753 гг. в Западных графствах и в 1753 г. в Уэст-Райдинге (в Йоркшире) вспыхивали бунты против застав; в 20-х гг. XVIII в. замаскированные всадники некоего «короля Джона» опустошили оленьи парки в Виндзоре.⁴ Ненависть, вызванная огораживаниями,

существовала долго: в 1710 г. вспыхнули волнения в Нортсемптоне, в 1758 г. — в Уилтшире и Норидже, но самые бурные волнения начались после принятия общего закона об огораживаниях (1760 г.): за этим последовали бунты в Нортсемптоне и Оксфордшире в 1765 г., в Бостоне (Ланкашир) в 1771 г., в Вустере в 1772 г., Шеффилде в 1791 г. и в районе Ноттингема в 1798 г. Несомненно, происходило множество других волнений, о которых в газетах того времени не упоминалось. Участники этих бунтов были далеки от политики, они не расправлялись с лендлордами и фермерами, а требовали прежде всего восстановить традиционные права сельских общин, которые, по мнению деревенских жителей, были с согласия парламента принесены в жертву алчным лендлордам и преуспевающим фермерам, чья идеология, безусловно, отличалась от их собственной.

Причиной трудовых конфликтов в городах были скорее требования рабочих «справедливости» и восстановления утраченных прав, нежели их стремление урвать себе больший кусок пирога. Забастовки того времени чаще всего были направлены против предпринимателей, снижавших заработную плату в целях сокращения производственных расходов; или (как, например, крупные антиирландские волнения в восточной части Лондона в 1736 г.) были вызваны использованием дешевой рабочей силы, или ставили целью разрушение машин, введение которых грозило оставить людей без работы. Относительно ранний пример последней разновидности волнений — разрушение механической лесопильни Чарлза Дингли в Лаймхаузе в 1768 г.⁵ Подобные нападения на собственность предпринимателей было не редкостью во время забастовок той поры, которые иногда проходили мирно, в форме демонстраций или подачи петиций, но чаще принимали насильственный характер. Правда, насилие сводилось главным образом к разрушению хозяйских домов или машин, самих же предпринимателей, как правило, не трогали; в худшем случае какого-нибудь хозяина могли прокатить в бочке или столкнуть в пруд или канаву, да и то если он держался вызывающе. Штрейкбрехерам и конкурирующим группам рабочих не удавалось легко отделаться: иногда дело доходило и до кровопролития, как, например, во время забастовок лондонских грузчиков угля и шелкоткачей в 1768 г. В 1768 г. число забастовок в Лондоне возросло. Они проходили параллельно с нараставшей кампанией сторонников Уилкса или даже совпали во времени с ее апогеем. Один из биографов Уилкса ошибочно считал их примерами ранних политических забастовок, как я писал об этом в одной из своих работ.⁶

Голодные бунты возникали в то время гораздо чаще, чем трудовые конфликты, в которых, в случае действительной или ожидаемой нехватки продовольствия, особенно хлеба, принимали участие все слои неимущего населения, в том числе, конечно, и рабочие. Из 375 волнений, происходивших, согласно газетным сообщениям, с 1730 по 1795 г., 275 были продовольственными бунтами. Неудивительно, что они возникали столь часто, причем к концу столетия число их возрастало. Это объяснялось не только высоким процентом малоимущих среди населения, но и тем обстоятельством, что хлеб был главным продуктом питания бедняков, на покупку которого даже в хорошие времена уходило от одной трети до половины их заработка. Во второй половине века неурожайные годы участились; примерно в то же время в практику вошли новые формы распределения хлеба, в результате чего поставщикам стало выгодней продавать его богатым, чем беднякам; кроме того, при нехватке продовольствия, была ли она вызвана объективными причинами или создана искусственно, вообще при любом продовольственном кризисе, которые начиная с 40-х гг. XVIII в. регулярно повторялись раз в десятилетие, население немедленно прибегало к традиционным формам выражения своего недовольства. Происходило это по-разному. Иногда возмущенные потребители захватывали привезенное на рынок зерно; это неизбежно сопровождалось стихийными грабежами. В других случаях зерно просто уничтожали; это была своеобразная месть торговцам и так случалось довольно часто во время рыночных бунтов, особенно в первые десятилетия века. Бывало, что бунтовщики задерживали подводы, обозы и суда,

перевозившие зерно за границу или в другие районы страны, где его не хватало. Такая форма протеста получила особо широкое распространение во Франции, где это называлось «препятствие». Однако нередко к ней прибегали и в Корнуолле: здешние шахтеры практиковали ее вплоть до 30-х гг. XIX в., препятствуя погрузке зерна на суда в портах. Наконец, самая зрелая форма «голодного протеста», требовавшая уже более высокой степени организованности, заключалась в установлении самими бунтовщиками «справедливых» цен на продовольствие. В Англии это происходило так же часто, как и во Франции, где ее называли «народной таксацией». Установление «явочным порядком» справедливых цен сыграло важную роль в крупнейших бунтах второй половины XVIII в. — в 1766, 1795 и в 1800—1801 гг., хотя и не получило повсеместного распространения.⁷

Некоторые авторы считают, что руководство голодными бунтами, в том случае если они достигали значительного размаха, нередко брали на себя представители более влиятельных и непричастных к ним социальных групп, стремясь придать этим волнениям политическую направленность; более того, иногда они даже провоцировали бунты в своих целях. Примером в данном случае является французская «зерновая война» 1775 г. Действительно, в некоторых случаях тезис о политическом сговоре выглядит более убедительно, чем в других. Так, например, по утверждению канадского ученого Уолтера Шелтона, изучавшего голодные бунты 1766 г., эти волнения, которые власти вполне могли бы быстро подавить, затянулись надолго лишь потому, что члены магистратов сочувствовали бунтовщикам и сами ненавидели торговцев. Однако Шелтон тут же оговаривается, что такое явление не было типичным для того времени, ибо подобную «двойственную позицию» джентри под влиянием своих собственных затруднений заняли лишь в одном этом случае.⁸ С идеологической точки зрения продовольственные бунты выражали прежде всего стремление малоимущих слоев населения установить «справедливые цены», хотя, как с основанием указывает Э. Томпсон, в этих случаях речь шла не только о «справедливости цен», но и о «справедливых» методах распределения и функционирования рынка. Далее он замечает, что народное недовольство «возникало на основе общего для низов представления о том, что законно и что незаконно в торговле хлебом, помоле зерна, выпечке хлеба и т.д.». Томпсон называет это «экономической моралью бедняков».⁹

Городские бунты, в частности, целесообразно выделить в особую группу ввиду их специфики. Во-первых, они возникали по самым различным поводам. Они могли быть вызваны дороговизной продовольствия или, как это случилось во время волнений Уилкса в 1768 г., развиваться в рамках широких политических движений. Настоящие продовольственные бунты относительно чаще происходили в провинциальных городах, особенно в тех, где регулярно проводились ярмарки, например в Таунтоне, Эйлсбери, Уинчестере и т. п. Лондон был исключением: с 1714 г. до середины 90-х гг. XVIII в. здесь не вспыхнуло ни одного продовольственного бунта. Причина была двоякой. Во-первых, Лондон, как и Париж, лучше снабжали и хорошо охраняли. Это и понятно: возможный продовольственный бунт у стен Уайтхолла или Вестминстера был бы политически чреват гораздо более опасными последствиями, чем в любом другом месте. Во-вторых, сама география Лондона, с его защитной полосой на северо-востоке — урбанизированным Мидлсексом, обеспечивала ему своего рода иммунитет от сельской «заразы», которого, как известно, не хватало Парижу. Но если Лондону и были неизвестны продовольственные бунты, то он как город, игравший роль правительственного и хозяйственного центра, становился ареной многочисленных народных волнений иного рода значительно чаще, чем провинциальные города или ярмарочные центры. Именно в Лондоне вспыхнули бунты против шотландского банкира Джона Луо во время кризиса «Компании южных морей», известного как «Мыльный пузырь южных морей», в 1720 г., против Роберта Уолпола в связи с введением им акцизных налогов в 1733 г. и пошлины на джин в 1736 г., волнения в связи с намерением правительства облегчить натурализацию евреев-иммигрантов в

50-е гг. XVIII в. и, наконец, выступления в поддержку Уильяма Питта-старшего в годы Семилетней войны. Но все эти беспорядки по размаху и ожесточенности не шли ни в какое сравнение с энтузиазмом, вызванным делом Уилкса в 1760-х и 70-х гг., и с Гордоновыми бунтами 80-х гг., в ходе которых антикатолически настроенные низы целую неделю оставались хозяевами лондонских улиц, уничтожив имущество, оцененное на сумму свыше 100 тыс. фунтов стерлингов (сумма по тем временам весьма значительная).¹⁰

Лондонские бунты, помимо того, что форма их была разнообразна, имели тенденцию принимать политическую окраску: это объяснялось не столько близостью парламента, сколько деятельностью органов самоуправления Сити, игравших активную роль в политических делах. Из двух органов, составлявших администрацию Сити, Общинный совет, более демократичный и представительный по составу, в значительной степени способствовал политическому просвещению низов не только в самом Сити, но и — по мере распространения его политического влияния не только на другие районы Лондона, но и за пределами столицы — в Сэрри и Мидлсексе. В первые десятилетия века политические симпатии Сити были скорее на стороне провинции, чем на стороне короны, а следовательно, были скорее на стороне тори, чем вигов. В 50-х гг. XVIII в. с появлением Уильяма Питта на политической сцене в Сити стали склоняться к более радикальному торизму, а с появлением Уильяма Бэкфорда, креатуры Питта в Сити, и Уилкса, Сити заняло критическую позицию по отношению к обеим парламентским партиям, которую, вероятно, можно столь же назвать «радикальной», как и многие другие.¹¹

С тем же основанием можно считать радикальными и действия городских низов, выступавших под лозунгом «Уилкс и свобода!» в 1763 г. и продолжавших бунтовать в поддержку Уилкса и по его возвращении из ссылки в 1768 г. вплоть до 1774 г., когда он после неоднократных исключений и лишений парламентских прав был наконец вновь допущен в парламент. И даже Гордоновы бунты, несмотря на их ожесточенный характер, не выходили за рамки радикализма, продолжая давнюю радикально-протестантскую традицию. Они идейно вдохновлялись (если не провоцировались) наиболее радикальными элементами Сити, например Фредериком Булом, членом Общинного совета, близким другом лорда Джорджа Гордона и его соратником в борьбе против католиков.¹²

Какова же была идеология лондонских низов и что отличало ее от идеологии участников волнений в деревнях и ярмарочных центрах? В целом это была вообще присущая народным низам «унаследованная» идеология. Они столь же стремились к восстановлению «справедливости» и защите прав «свободнорожденных англичан», как и их собратья в любом другом месте. Толпы, ратовавшие за Уилкса, проявляя этим далеко еще до конца не осознанную классовую ненависть к богатым, отметили возвращение Уилкса в парламент камнями, летевшими в окна домов лордов и знати. Это стихийное и легкое утверждение эгалитаризма еще более ярко проявилось во время Гордоновых бунтов, участники которых намеренно разрушали дома и уничтожали имущество зажиточных католиков в богатых кварталах, не трогая, однако, своих соседей, ирландских католиков-бедняков. В протоколах Олд-Бейли по делам бунтовщиков зафиксировано признание одного из них в том, что он принял участие в разрушении дома богатого протестанта: «Протестант он или нет, но ни один человек не вправе иметь годовой доход свыше 1000 фунтов стерлингов, ибо этого вполне хватает на жизнь».¹³

Этим, однако, как уже отмечалось, не ограничивалась идеология лондонских низов в XVIII в., в пей, совершенно очевидно, присутствовал и «привнесенный» элемент. Вопрос в том, насколько полно он усваивался в каждом отдельном случае. Привнесенной идеологией определялись прежде всего лозунги дня, отражавшие политическое кредо Сити, точнее, его «народной» партии, менявшееся от поколения к поколению. Примером могут служить такие лозунги, как «За высокую церковь и Сэчверелла!» тористски настроенной толпы в 1710 г., «Долой акциз» — во время

выступлений против Уолпола в 1733 г., «Уилкс и свобода!» — главный лозунг толп в 1763—1794 гг. и «Долой папизм!» — лозунг Протестантской ассоциации, получивший большую поддержку Сити — в июне 1780 г. Хотя лозунги и отражавшиеся в них политические ситуации менялись от одного крупного кризиса к другому, существовал один постоянный элемент — «наставником» лондонских низов всегда оставались власти Сити (чаще всего Общинный совет), точно так же как в Париже в канун революции инициатором и вдохновителем политических выступлений низов чаще всего был аристократический парламент. Но как далеко заходило это влияние? Насколько глубоко низы усваивали политические уроки? Или они оставались лишь «чернью», которой Сити манипулировало в своих интересах? Эти вопросы возникают в связи с утверждением Э.Томпсона, считающего, что автор этих строк «слишком усердствует» в защите лондонской «толпы» от обвинений в том, что она являлась сборищем хулиганов и уголовных элементов. Томпсон, со своей стороны считает, что «толпа», выступавшая в поддержку Уилкса, хотя и симпатизировала ему и отнюдь не была подкуплена, отдавала себе отчет в том, что ее насильственные действия останутся безнаказанными, поскольку они совершались «с ведома» городских магистратов. Подобный расчет был еще более характерен для толпы во время Гордоновых бунтов (вспыхнувших вскоре после Уилксовых), в которых противоречивое поведение бунтовщиков, по мнению Томпсона, характеризовало их то как чернь, являющуюся послушным орудием в чужих руках, то, напротив, как истинно революционные массы. На этом основании Томпсон приходит к выводу, что английские низы в XVIII в. «находились еще на полпути к выработке самостоятельного политического сознания».¹⁴

В целом такой вывод не вызывает особых возражений: в конце концов, «на полпути» политические идеи могли уже в значительной степени проникнуть в народное сознание. Следует, однако, добавить, что исход Гордоновых бунтов по меньшей мере обескуражил низы, так же как и их наставников из Сити. Они сами признавали потом, что наступившее после бунтов политическое оцепенение многому их научило. Так, Джозеф Брэсбридж, хорошо известный в Сити, спустя некоторое время после окончания волнений заявил: «Отныне я останусь глух к протестующему гласу народа».¹⁵ Его точку зрения, по свидетельству различных источников, разделяли тогда и многие другие. Фактически вопрос о содействии выступлениям низов в Лондоне или в самом Сити был снят с повестки дня Общинного совета вплоть до наполеоновских войн, когда радикализм Сити вновь возродился при поддержке широких слоев населения.

В заключение следует рассмотреть вопрос о модели массовых выступлений протеста в XVIII в., прежде чем промышленная революция преобразовала английское общество. Типичными чертами массовых выступлений были прежде всего «прямые действия» и ущерб, нанесенный чужой собственности: забастовки перерастали в бунты, участники которых ломали машины, либо для того, чтобы сохранить свое рабочее место, либо для того, чтобы посредством бунта добиться уступок от предпринимателей¹⁶, Бунтовщики врывались в булочные и амбары, в городе «разбирали по камешкам» дома своих недругов или сжигали их изображения. Физические расправы были, как правило, редкостью. Во всех прочих случаях в кровопролитии всегда были повинны власти: самый известный тому пример — Гордоновы бунты, в ходе которых было убито или умерло от ран 285 бунтовщиков и 25 человек было повешено, тогда как магистраты и войска потерь вообще не имели.

Нанося ущерб собственности, бунтовщики всегда действовали с разбором. Участники Гордоновых бунтов и бунтов Пристли (в Бирмингеме в 1791 г.) намечали свои жертвы с поразительной точностью (однако в полицейских и судебных архивах не сохранилось каких-либо «списков» жертв, составленных якобы руководителями бунтовщиков). Разрушение нескольких принадлежавших протестантам домов во время Гордоновых бунтов объяснялось либо симпатиями их владельцев к католикам, либо несчастным случаем: в Холборне, например, сгорело 25 домов, находившихся по соседству с загоревшимся винокуренным заводом Томаса Лэнддейла.

Далее, волнения возникали, как правило, стихийно, хотя нередко и развивались по традиционной модели, как, например, продовольственные бунты. Даже при таких крупных волнениях, как Уилксовы или Гордоновы бунты, организация была минимальной. Начавшись с незначительного инцидента, например с ссоры в булочной или, как в июне 1780 г., с отклонения петиции парламентом, подобные волнения приводили к разрушению материальных ценностей и массовым поджогам. По степени организованности сельские бунты значительно уступали городским.

С этим моментом связан и вопрос о руководителях. Следует отметить, что, как правило, в то время руководители, выдвинутые народом, встречались сравнительно редко, если не считать кратковременные выступления, когда некоторые бунтовщики пользовались большим авторитетом и вели себя более активно, чем прочие, по крайней мере в глазах членов магистрата и полицейских. Это, разумеется, зависело и от типа волнений. Наиболее стихийными из вышеперечисленных четырех типов волнений были, по-видимому, голодные бунты: после их подавления под суд отдавали не вожakov в общепринятом смысле слова, а, судя по всему, участников, арестованных ополченцами или полицией за бросавшееся в глаза рвение или личное мужество. Бунты против огораживаний и вторжения в охотничьи заповедники в одних случаях были незначительными по масштабу и предпринимались чуть ли не в одиночку, в других случаях, напротив, являлись хорошо продуманными акциями, как, например, набег всадников «короля Джона» на Виндзорский парк в 1720 г. Трудовые конфликты в иных случаях также принимали форму организованных выступлений с выборными комитетами и общепризнанными вожаками. Например, в Лондоне в 1768 г. во время забастовок шляпочников, портных, моряков и шелкоткачей были созданы забастовочные комитеты для координации действий. Большую степень организованности в тот год обнаружили ткачи, избравшие доверенных лиц, которые собирали взносы в забастовочную кассу и агитировали колеблющихся присоединиться к забастовке. Еще важнее в данном случае то, что два члена забастовочного комитета ткачей — Джон Вэллин и Джон Дойль — были арестованы и повешены не за участие в каком-либо одном выступлении, а за активную роль в целой серии конфликтов ткачей с хозяевами. При более крупных выступлениях низы обычно ориентировались на лидеров-вождей, стоявших высоко над ними, таких, как Питт, Уилкс, лорд Джордж Гордон. Некоторые лидеры такого рода гордились своей ролью, например Уилкс, редко, впрочем, выступавший перед своими сторонниками. Другие, например Гордон, напротив, отреклись от этой роли, слагали с себя всякую ответственность за действия, совершенные от его имени. Кроме руководителей, стоявших над толпой, попадались и выдвинутые самими массами или поддерживавшие с ними непосредственный контакт «капитаны», не пользовавшиеся сколь-нибудь прочным авторитетом и в отличие от Дойля и Вэллина не игравшие никакой роли ни до, ни после какого-то отдельного выступления. Таким был, к примеру, Мэттью Кристьян; этот, как говорили о нем, «богатый джентльмен с характером» угощал пивом бунтовщиков, праздновавших победу Уилкса на выборах от Мидлсекского округа в марте 1768 г. В Гордоновых бунтах, вспыхнувших спустя двенадцать лет, такими вожаками были колесный мастер Уильям Пэтмен и каретник Томас Тэплин, возглавлявшие отряды бунтовщиков и собиравшие деньги «для бедных». Следует назвать также и капитана Тома-цирюльника, вожака одного из более ранних выступлений: облачившись в «полосатый балахон», он возглавлял антиирландский бунт на Гудмен-Филдз в 1736 г. (Ему удалось скрыться от полиции, и его подлинное имя осталось неизвестным.¹⁷⁾

Наконец, большое значение имеет и вопрос о социальной принадлежности бунтовщиков. В свидетельствах о голодных бунтах, бунтах против огораживаний и трудовых конфликтах в сельской местности особенно часто упоминаются мелкие арендаторы, коттеры, шахтеры и ткачи. Однако вожаки типа «короля Джона» стояли на более высокой ступени социальной лестницы, хотя и не «над массами» (поскольку они принимали участие в

волнениях). В городах состав бунтовщиков был более пестрым: работающие по найму, поденщики, прислуга, подмастерья, а также торговцы, ремесленники, а иногда и дворяне, подобно Мэттью Кристьену. Разумеется, состав бунтовавших городских низов был разным в зависимости от выступлений: Питта поддерживали в основном ремесленники и торговцы; в числе участников выступлений под лозунгом «Уилкс и свобода!» были представители как среднего, так и низшего сословий; к ремесленникам и лавочникам присоединились чернорабочие и фригольдеры. Рабочие как класс ни в городских, ни в сельских бунтах участия еще не принимали: промышленная революция только начиналась.

Завершая анализ различных моделей «доиндустриального» протеста и исходя из всего вышеизложенного, следует подчеркнуть, что идейный багаж участников голодных бунтов, забастовок и разного рода аграрных волнений в Англии XVIII в. составляли «унаследованные», традиционные, аполитические идеи. Лишь в Лондоне участники бунтов, особенно бунтов, происшедших после радикализации» Сити в середине века, испытали на себе слабое влияние идей буржуазии — «привнесенных», прогрессивных для того времени, политических. Однако и в этом случае прогрессивный элемент был весьма поверхностным. В целом же народный протест был обращен в прошлое. «Плебейская культура, — писал Томпсон (этот термин, впрочем, не вполне адекватен понятию «идеология» в том смысле, в каком оно употребляется в настоящей работе) — остается бунтарской по своему характеру, но бунт направлен на защиту старых обычаев».¹⁸

Ссылки на источники

1. Sutherland L.S. The City of London in Eighteenth-Century Politics. — В: *Essays presented to Sir Lewis Namier*, под редакцией R.Pares и A.J.P.Taylor. London, 1956, p.46—74.
2. Defoe Daniel. The Review, 25 June 1709.
3. Thompson E.P. Whigs and Hunters: the Origin of the Black Act. London, 1975, p.23—25.
4. Ibid., p. 23—25.
5. См. мою работу "Wilkes and Liberty", Oxford, 1962, p. 93—94.
6. Postgate Raymond. That Devil Wilkes. London, 1956, p.181; "Wilkes and Liberty", p.103—104.
7. См.: Stevenson John. Food Riots, 1792—1818. В: *Popular Protest and Public Order*, под редакцией J.Stevenson и P.Quinault. London, 1974, p.33—74; Shelton Walter J. The Role of Local Authorities in the Hunger Riots of 1766, *Albion*, V (1), Spring 11973, 50—66; Wells Roger. The Revolt of the South-West, 1800—1801, *Social History*, № 6 (October 1977), p.713—744.
8. Shelton. Loc.cit.
9. Thompson E.P. The Moral Economy of the English Crowd in the Eighteenth Century, *Past and Present*, № 50, February 1971, p.76—136.
10. Подробное описание см.: Рюде Дж. «Толпа» в истории.
11. См. Sutherland L. S. The City of London and the Opposition to Government, 1768-1774, London, 1959, p.10-11.
12. См мою работу "Paris and London in the XVIII Century, London and New York, 1971, p.268—292.
13. Ibid., p.289.
14. M.Thompson E.P. The Making of the English Working Class. London, 1963, p.70-71.
15. Цит. в: Sutherland L.S. The City of London in Eighteenth-Century Politics, p. 73.
16. Hobsbawm E.J. The Machine Breakers, *Past and Present*, № 1 (February 1952), p. 57-70.
17. О вышеупомянутых «капитанах» см. мою работу «Wilkes and Liberty», p.44, и: «Paris and London...», p.79-80, 210. О «короле Джоне» см.: Thompson. The Black Act, p.142-146.
18. Thompson E. P. Eighteenth-Century English Society: Class Struggle without Class? *Social History*, III (2), May 1978, особенно с.154.

ПЕРЕХОД к ПРОМЫШЛЕННОМУ ОБЩЕСТВУ. 1800-1850

Выше уже говорилось, что Великая французская революция и промышленная революция возвестили для Англии в конце XVIII в. начало новой эры — переход к промышленному обществу. Французская революция не сыграла сколько-нибудь заметной роли в процессе социальных перемен в Англии, в отличие от самой Франции, где она его драматически ускорила. Но эта революция наложила глубокий отпечаток на идеологию народного протеста, обогатив ее двумя близкими друг другу понятиями: «права человека» и «суверенитет народа».

Безусловно, в Англии на ход исторического развития в значительно большей степени повлияла промышленная революция: она не только направила народный протест в новое русло, но и видоизменила способ производства, создав одновременно два новых общественных класса. К 20-м гг. XVIII в. фабрики начали вытеснять старое, сосредоточенное в деревнях домашнее производство сначала в хлопкопрядении и хлопкоткачестве, а затем в сукноткачестве и в других отраслях. В ходе этого процесса и формировались два новых класса — промышленная буржуазия, владеющая средствами производства, и промышленные рабочие, продающие свою рабочую силу. Таким образом, английская промышленная революция в конечном счете привела к образованию двух антагонистических классов — промышленной буржуазии и пролетариата, как писали в «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс. Однако и в Англии, где процесс промышленного развития проходил быстрее, чем в любой другой стране, это разделение не было полным; сохранились и другие социальные слои: представители старых правящих классов, все еще претендовавшие на политическую власть, и «традиционные» слои мелких фермеров, лавочников и ремесленников — те самые, о которых Грамши писал и сто лет спустя. Сохранившийся класс землевладельцев — «претендентов на власть», охарактеризованный выше, по-прежнему процветал и играл важную, если не главную, роль в парламенте и в государстве. Но его политическое влияние постепенно уменьшалось — к началу первой мировой войны лорды окончательно утратили свое независимое положение в государстве, слившись с более могущественной буржуазией; от их былых привилегий остались только титулы да «родовые замки».

Но еще задолго до завершения этого процесса слияния промышленная буржуазия, даже не заняв целого ряда командных постов, остававшихся в руках землевладельцев, стала господствующей силой в государстве. В период свободного предпринимательства новые владыки (буржуа), идеологической опорой которых стали теории Смита, Мальтуса и Бентама, одобренные некоторыми евангелическими догмами, ставили себе следующие цели:

1. Узаконить свободу торговли и превратить Британию в «мастерскую мира», обеспечив себе максимальные прибыли.
2. Положить конец изжившему себя политическому господству аристократии, осуществив парламентскую реформу и реформу местных органов самоуправления.
3. Получить полную свободу рук в вопросах найма и увольнения рабочей силы, обуздав рабочие «кралиции» и устранив другие препятствия и ограничения, тормозившие развитие производства.

Осуществлению этих планов мешал прежде всего класс землевладельцев, упорно цеплявшийся за свои хлебные законы, синекуры и «гнилые» местечки. К 50-м гг. XIX в. буржуазия выиграла эту битву: лендлорды стали поддерживать буржуазию как в экономике, так и в политике, сначала нерешительно и без энтузиазма, затем все более энергично. Убрать с пути второе, гораздо более серьезное препятствие оказалось куда сложнее. Предметом нашего исследования являются новые социальные конфликты между двумя антагонистическими классами — буржуазией и пролетариатом, конфликты, игравшие лишь второстепенную роль в предшествующем столетии.

Прежде чем перейти к вопросу о генезисе этих новых конфликтов, следует хотя бы кратко остановиться на основных изменениях в характере протеста народных низов вообще и рабочего класса в частности, происшедших под влиянием двух революций. Как уже отмечалось, основными участниками народных выступлений стали теперь не мелкие фригольдеры, городские ремесленники и представители малоимущих слоев населения, а промышленные рабочие, или пролетарии, в новых фабричных городах. Это стало особенно заметно после 30-х гг. XIX в. Основной причиной конфликтов были не цены на хлеб, как это чаще всего случалось в прошлом, а заработная плата рабочих. Более того, по мере развития промышленности главные очаги народных выступлений перемещались с юга на север, из деревни в город, из старых «свободных городов» — в современные промышленные города. Этот процесс можно условно разделить на следующие основные этапы до середины XIX в.

Первый этап (начало наполеоновских войн, 1793—1800) включает в себя движение якобинцев-«заговорщиков» в Лондоне, Эдинбурге, Манчестере и как ответную реакцию — движение «за церковь и короля» в Бирмингеме и Манчестере, голодные бунты в Лондоне, юго-восточной Англии и некоторых районах Уэльса.

Второй этап (последние годы наполеоновских войн, 1811—1815) — луддитское движение в районах трикотажного производства в Мидленде и Йоркшире (Уэст-Райдинг).

Третий этап (первые послевоенные годы, 1815—1822): крупные волнения в больших городах (Лондон, Манчестер), в районах Восточной Англии, где промышленное производство переживало в те годы упадок, а также в новых развивающихся индустриальных областях (центры черной металлургии в Южном Уэльсе и трикотажного производства в Мидленде и Уэст-Райдинге); голодные бунты в торговых городах во всех районах страны (Фальмут, Ноттингем, Болтон, Карлайль и другие).

Четвертый этап (1829—1832). Это были годы наиболее бурных волнений; центр их все более явственно перемещался в новые промышленные районы — Мидленд, Южный Уэльс, Северную Англию, Клайдсайд. Лондон временно уступил свою роль эпицентра волнений Бирмингему и некоторым старым «свободным» городам (Ноттингему, Йорку, Дерби, Бристолу); последнее крупное выступление крестьян на аграрном юге страны, после чего очаги мелких аграрных волнений сохранились лишь в Восточной Англии и Девоне — вплоть до создания в 70-х гг. XIX в. профсоюзов сельскохозяйственных рабочих.

Пятый этап (30—40-е гг. XIX в.) включает три периода чартистского движения, охватившего главным образом промышленные районы страны, которые по географическим признакам можно в свою очередь разбить на три группы: большие развивающиеся города — Лондон, Бирмингем, Манчестер, Глазго; новые промышленные районы страны — Шотландия и Уэльс; и наконец, старые центры доживавших свои последние дни ручного ткачества и кустарного производства в деревнях — Западные графства и Уэст-Райдинг в Йоркшире. Сколько-нибудь заметные аграрные волнения были в эти годы зарегистрированы лишь на «Кельтской окраине» в Уэльсе и на Северном нагорье в Шотландии. В послечартистский период старые центры ручного ткачества и сельской промышленности окончательно пришли в упадок и постепенно исчезли, а английские ткачи на ручных станках и крестьяне-арендаторы Уэльса, так же как и английские «батраки», сошли со сцены. Фермерские бунты на «Кельтской окраине» постепенно затихли. Лишь на Северном нагорье шотландские крестьяне некоторое время еще продолжали борьбу.¹

Лондон в тот период занимал особое место, как бы подтверждая, что процессы индустриализации и урбанизации не всегда проходят параллельно. Лондон XVIII в., как уже отмечалось, был колыбелью массовых радикальных движений, ареной самых ожесточенных и длительных конфликтов того времени. Однако к концу века центр политического радикализма переместился из Сити в Вестминстер и

Мидлсекс, а с развитием промышленности — в Мидленд и северные районы страны. В этот переходный период в Лондоне только дважды вновь усиливались радикальные настроения; первый раз — в 1820 г. в связи с «анахроничными» по форме выступлениями в поддержку королевы Каролины, напомнившими кампанию сторонников Уилкса², и второй — в 1848 г., на последнем этапе, проходившем в столице движения за «Народную хартию». В дальнейшем массовая активность в Лондоне наблюдалась в 50—60-х гг. и в еще более широких масштабах — в 80-е гг. XIX в. Но эти выступления относятся уже к периоду, выходящему за рамки данного исследования.

С развитием промышленности и торговли характер массовых выступлений также претерпел изменения, утратив черты, свойственные «доиндустриальному» периоду. «Прямые действия» начали постепенно уступать место более организованным и зачастую более «пристойным» формам борьбы. Во-первых, после окончания наполеоновских войн с появлением в стране постоянных ярмарок прекратились голодные бунты; в последний раз они произошли в Восточной Англии в 1815—1816 гг., а в последующие годы лишь изредка возникали на «Кельтской окраине» — в Корнуолле и на Северном нагорье в Шотландии. Во-вторых, отошло в прошлое и разрушение машин: в индустриальных районах оно прекратилось после завершающего этапа луддитского движения в 1811—1822 гг. в Мидленде, в сельской местности — после крупных выступлений разрушителей молотилок в 1830—1832 гг. Наконец, традиционное разрушение домов, принявшее в Бристоле в 1831 г. почти те же масштабы, что и во время антипапистских выступлений прошлого века, в последний раз повторилось как широко применявшаяся форма борьбы в «гончарных» городках в Стаффордшире в августе 1842 г. Из подобных старых форм выступлений XIX век унаследовал лишь поджоги, оставшиеся характерной чертой аграрных волнений вплоть до 60-х гг. (Только в 1862—1866 гг. в Западную Австралию было сослано за поджоги не менее 227 человек, среди которых явные бунтовщики составляли, впрочем, меньшинство).³

Итак, стихийные волнения уступили место организованным выступлениям. Это стало особенно заметно с появлением первых общенациональных или, во всяком случае, выходявших за местные рамки профсоюзов, таких, как Национальная ассоциация защиты труда во главе с Джоном Догерти, созданная в 1830 г. и к 1831 г. насчитывавшая уже 100 тыс. членов, затем — Великий национальный объединенный союз профессий Оуэна — своеобразный пример «единого большого союза», распавшегося вскоре после своего создания в 1834 г.; хорошо организованная и располагавшая солидными средствами Ассоциация горняков в 1841 г. и после 1851 г. — профсоюзы «нового типа». Возникновение подобных организаций не только позволило рабочим более основательно подготавливать трудовые конфликты, отказавшись от старых «партизанских» методов борьбы, но и вызвало к жизни новые типы руководителей: среди них были и активисты, чем-то напоминавшие лидеров прошлого, этих «калифов на час», быстро сходивших со сцены, и «реформисты», превращавшиеся впоследствии в уважаемых «джентльменов в цилиндрах», как, например, руководители профсоюзов «нового типа» в 50—60-х годах. Первыми руководителями-активистами были сам Джон Догерти и Джон Лавлесс, лидер дорчестерских сельскохозяйственных рабочих, высланный за свою активную деятельность в Австралию и возобновивший борьбу после возвращения из ссылки три года спустя. Все они — и активисты, и оппортунисты — были порождены переходным периодом. Они вышли из масс, в данном случае из рабочей массы, но в отличие от случайных, никому неизвестных «одноразовых» вожаков, выдвигавшихся массами в предшествующий период, были последовательными, убежденными, общепризнанными руководителями.

Изменилась и народная идеология. Разумеется, развитие народной идеологии, в том числе и идеологии недавно сформировавшегося класса промышленных рабочих, не было непрерывным движением по восходящей линии. Но так же, как и во Франции, основное направление этого развития в

Англии совершенно очевидно: от первых шагов по пути «политического осознания» действительности — главным образом за счет «привнесенных» идей — в 90-е гг. XVIII в. к начавшемуся в 30-е гг. XIX в. периоду выработки самостоятельного пролетарского сознания, иными словами, к осознанию рабочими своего места в классовом обществе. Выше мы писали о начальном этапе политического просвещения городских низов, включая мелких лавочников, хозяев небольших мастерских и наемных рабочих. Однако на том этапе вопрос о политическом просвещении рабочих как самостоятельной социальной группы еще не был актуален. Положение изменилось после Французской революции, хотя, сколь бы парадоксальным это ни казалось, ни один из главных идеологов революции, так же как и популяризатор их идей в Англии Томас Пейн, не ставили своей целью идеологическое воздействие на рабочих. В Америке Пейн оттолкнул от себя своих сторонников из числа политически сознательных ремесленников Филадельфии, отказавшись поддержать их специфические требования, выходившие за рамки общепатриотического движения. Грамотные английские промышленные рабочие, с увлечением читавшие «Права человека» Пейна, не могли, однако, найти в этом произведении ответа на многие непосредственно касавшиеся их вопросы. Но в Англии на рост политической сознательности рабочих оказал влияние другой принципиально новый фактор: главную роль в пропаганде трудов и идей Пейна здесь сыграло созданное в 1792 г. Лондонское корреспондентское общество, членство в котором, по выражению Томпсона, «ничем не обуславливалось». Из всех организаций того времени, чей политический характер не вызывал сомнений, только эта объединяла в своих рядах главным образом механиков и ремесленников. Имея такой состав, общество распространяло идеи Пейна о народном суверенитете, правах человека, пороках монархической власти и официальной церкви прежде всего среди читателей — рабочих в новых индустриальных городах; оно пропагандировало эти идеи среди ткачей, шахтеров и городских ремесленников сначала открыто, а затем подпольно — после того, как Питт добился принятия чрезвычайных законов и Лондонское корреспондентское общество и его филиалы в других городах были запрещены.

Эстафету английского якобинства, возвращенного Пейном и Лондонским корреспондентским обществом, приняло после наполеоновских войн радикальное реформаторское движение на новом этапе. Коббет, некогда гроза радикальных памфлетистов, вернувшись из Америки, в знак раскаяния привез с собой урну с прахом Пейна. Объявив себя радикалом, он вдохнул новую жизнь в старомодный радикализм вигов, придав ему демократический характер. Выдвинутый им лозунг «Долой коррупцию!» (под этим подразумевались также «гнилые» местечки и синекуры) мгновенно подхватили и усвоили радикально настроенные ремесленники и представители других радикальных групп, от которых он перешел и к рабочему движению. Эти требования подхватили в указанных рамках и участники выступлений, носивших, как по традиции считали историки, чисто экономический характер. Примером тому может служить луддизм, связь которого с широким радикальным движением за парламентскую реформу впервые обосновал Томпсон. Ниже следует отрывок из анонимного письма в защиту деятельности ноттингемских луддитов в 1816 г., автор которого, очевидно, разделял идеи Коббета (цитируется по рецензии на работы Томпсона):

«Мы не рабители! Мы требуем лишь обеспечить нас предметами первой необходимости. Если наша борьба увенчается заслуженным успехом, наше королевство будет избавлено от тяжкого бремени налогов, беспрецедентного государственного долга, продажного и деспотического правительства и от непомерно разросшейся системы синекур и незаслуженных пенсий».⁴

Спустя еще двенадцать с небольшим лет во время движения «Свинга» в 1830 г. радикал Джон Адаме, башмачник из Мейдстона, возглавивший «толпу» в 300 человек, по поручению которых он вступил в переговоры с Джоном Филмером, священником из Ист-Саттон-Парк, начал их, выразив надежду, что «джентльмены и трудящиеся классы приложат совместные

усилия для сокращения правительственных расходов». В тот же вечер Адаме и его товарищи в беседе с Гамбьером, сыном пастора соседнего прихода в Лэнгли, заявили, что «бесчисленные синекуры» ухудшают положение трудящихся в стране. Идеи Коббета оказали влияние и на многих других выразителей интересов трудящихся. Например, Филип Грин, трубочист из Бэнбери, бывший матрос, был известен как восторженный почитатель Коббета, «чьи работы он цитировал в трактирах, в которые частенько наведывался».⁵

Понятие «укоренившейся коррупции», как и перекликающееся с ним понятие «норманского ига», сохранявшееся в идейном багаже радикалов-демократов до начала чартистского движения, хотя и сослужило им свою службу, но по сути своей было консервативным, обращенным в прошлое — ко временам «старой доброй» Англии, которые Коббет, говоривший со страхом и отвращением об этой «водянке» — Лондоне, — страстно мечтал воскресить. Первым, кто попытался создать передовое учение, открывавшее перед рабочими перспективы новой жизни, а не тянувшее их назад, к давно прошедшим и якобы лучшим временам, был Роберт Оуэн. В социалистическом учении Оуэна, как и в теориях французских социалистов-утопистов Кабэ и Блана, конечно, есть немало слабых мест. Оуэн, в частности, не придавал значения политической борьбе и все надежды возлагал на организацию производства и кооперативные проекты. Но несомненной заслугой его учения по сравнению с якобинством Пейна и радикализмом Коббета было стремление убедить рабочих в том, что индустриальное общество является исторической необходимостью и что только своими собственными усилиями они смогут построить новое, кооперативное общество всеобщего благоденствия. Влияние идей Оуэна чувствуется в памфлете Джорджа Лавлесса, написанном им после возвращения в Англию из австралийской ссылки. (Прежде чем стать чартистом, Лавлесс был последователем Оуэна.) «Полагаю, что никто не облегчит бедственное положение трудящихся, пока они сами не приложат к этому руки. С этим убеждением я покинул Англию и, вернувшись, думаю то же самое».⁶

Рабочим предстояло пройти долгий путь к выработке собственного классового сознания, непременным условием которого являлось их участие как в экономической, так и в политической борьбе. Чартизм, движение, полное противоречий, соединившее в себе новые и старые идеи и формы борьбы, был первым шагом на этом пути. Впервые сами рабочие, а не отдельные группы ремесленников и лавочников, как в 1792 г., по собственной инициативе начали широкое общенациональное движение за создание парламента нового типа, который избирался бы рабочими и состоял бы из представителей рабочих. Уже одна эта идея была новаторская по своему существу. Но чартизм достиг и значительно больших высот: он ставил целью превратить избирательное право в оружие, способное оградить рабочих от подрывного влияния буржуазных «реформаторов» и завоевать для них неотъемлемые социальные блага, — по образному выражению Дж.Р.Стефанса, решить вопросы «ножа и вилки». Английские рабочие того времени, так же как и их французские собратья, могли приблизиться к осознанию своей роли как класса, лишь сочетая экономическую и политическую борьбу. Чартисты смогли бы подойти к этому, если бы они сочетали свою кампанию за Хартию с борьбой рабочих на заводах и шахтах. Но достичь этой цели, как и ряда других, им не удалось. Однако поражение это не было сокрушительным: столкновения рабочих с предпринимателями, войсками и «новой» полицией, происходившие на севере страны, в частности в промышленных городах Ланкашира летом 1842 г., оказали огромное влияние на все последующее развитие рабочего движения.

Молодой ученый Джон Фостер установил недавно⁷, что на периферии чартистского движения, в одном из небольших городков Ланкашира (и только там), была создана организация промышленных рабочих, члены которой достигли высокого уровня классовой сознательности. Создание подобной организации в тот момент как бы увенчивало предшествовавшее развитие

рабочего движения и являлось высшим выражением его идеологической радикализации. Выработка рабочими классового сознания, развивает Фостер свою мысль, зависит не только от новой идеологии, например социалистической, а и от сочетания радикальных идей с активными действиями рабочих на фабриках и заводах. (Именно это чартистам не удалось повсеместно осуществить.) Анализируя этот вопрос, Фостер приводит в качестве примера три английских города 30—40-х гг. XIX в., во многом походивших друг на друга: Олдгэм, центр хлопчатобумажной промышленности в Ланкашире; Саут-Шилдз, судостроительный центр в Дэреме; и Норсемптон, центр обувного производства Мидленда. Только рабочим Олдгэма удалось подняться на высшую ступень в ходе борьбы, тогда как в Норсемптоне и Саут-Шилдзе они, по выражению автора, оставались в плену «ложного сознания». Отделяя таким образом пшеницу от плевелов, Фостер показывает, что рабочие Олдгэма с начала 30-х гг. XIX в. накопили значительный опыт, сочетая активные действия на фабриках и в мастерских с политическими кампаниями по выдвижению всеми доступными им путями собственных радикально настроенных кандидатов в местные органы самоуправления и в парламент. В Саут-Шилдзе и Нортсемптоне рабочие, напротив, ограничивались лишь экономической борьбой; занимая в экономических вопросах жесткую позицию по отношению к предпринимателям, они в то же время упускали из виду политические аспекты борьбы. Это и был тот самый «экономизм», который критиковал Ленин в работе «Что делать?».

Но к 1848 г., как доказал Фостер, условия, положительно влиявшие на процесс выработки классового сознания рабочими Олдгэма, изменились; начиная с этого времени они, как и их собратья в Саут-Шилдзе и Норсемптоне, также оказались во власти ложного сознания.⁸

Это говорит о том, сколь трудным и тернистым был путь к коренному изменению идеологии рабочего класса. Известное положение Ленина о неравномерном развитии капитализма дает ключ к пониманию эволюции сознания английского рабочего класса в XIX в. В течение всего этого периода, отмеченного печатью глубоких перемен, начавшегося примерно с 20-х гг. XIX в., отдельные группы рабочих, как и некоторые районы Англии, уходили в своем развитии вперед, другие сильно отставали. В результате старое и новое в рамках одного и того же политического движения находились в состоянии неустойчивого равновесия. Это и неудивительно, если вспомнить о сохранившихся традиционных классах. Движением такого рода и был чартизм, наглядно продемонстрировавший неравномерность перехода к индустриальному обществу. Это нашло отражение в пестром составе чартистского руководства, среди которого были представители самых различных политических убеждений: «якобинцы» (как Джулиан Гарни), радикально настроенные тори (как Фергюс О'Коннор, стремившийся вернуть прошлое), поборники профсоюзного движения (как Питер Макдоуэл) и социалисты нового типа, например Эрнст Джонс, состоявший в переписке с Марксом. Подобными контрастами отмечена и практическая деятельность чартистов, принимавшая различные формы в разных районах страны. На одном полюсе — чартистские петиции, открывавшие новые перспективы, хотя и составленные по образцу радикальных документов минувшего столетия; Национальная чартистская ассоциация — прообраз рабочей партии — и организованное движение промышленных рабочих в районе Манчестера; на другом — «земельный план» О'Коннора, который считал индустриализацию и урбанизацию причиной всех бед и надеялся избавить общество от социальных пороков, вернув к земле людей, ставших при капитализме «лишними»; разрушение машин участниками «вентильных» бунтов, которое в «гончарных городках» Стаффордшира граничило с психозом.

Аграрные волнения того периода изменялись гораздо медленнее, чем выступления промышленных рабочих, использовавших наряду со старыми и новые формы борьбы. На протяжении всего этого периода прежние формы протеста, порожденные старой идеологией, не исчезали. Примеров тому достаточно: аграрные волнения в Восточной Англии в 1816 г. из-за низких

заработков, введения новых машин и повышения цен на хлеб; разрушение машин бунтовщиками «капитана Свинга» в южных графствах в 1830 г.; наконец, единственное в своем роде религиозное по форме выступление в 1838 г. кентских сельскохозяйственных рабочих, насмерть стоявших за своего самозванного мессию, называвшего себя сэром Уильямом Кортни. Несколько иным по характеру было движение сельскохозяйственных рабочих из Толпалла (Дорсет), создавших в 1834 г. филиал Великого национального объединенного союза профессий Оуэна. Оно было подготовлено пропагандистской кампанией сторонников Оуэна в Бирмингеме, и поэтому, строго говоря, его нельзя отнести к выступлениям сельскохозяйственных рабочих в собственном смысле слова. Все упомянутые выступления, кроме последнего, вдохновлялись «унаследованной» традиционной идеологией: бунтовщиков 1816 г. волновали прежде всего «справедливые цены» и «справедливая заработная плата». Участники бунтов «Свинга» 1830 г., сжигавшие амбары и разрушавшие машины, также требовали восстановить «справедливую оплату труда», которую лендлорды и фермеры значительно понизили, ссылаясь на свою собственную ложную интерпретацию закона о бедных; вдобавок введение новых машин, уменьшивших издержки производства, грозило повлечь за собой ее дальнейшее понижение. Бунтовщики, считая, что их незаконно лишают прав и требуя их восстановления, апеллировали к традиционным авторитетам: членам магистратов, королю, господу богу. В сентябре 1831 г. один из разрушителей машин, арестованный в Дилгэме (Норфок) и приговоренный к двухгодичному тюремному заключению, заявил на суде, что «разрушал машины во имя господ». Это звучит вполне в духе пуритан времен революции. (Кстати сказать, многие члены магистрата говорили то же самое несколько в иной форме.⁹) Во время волнений 1842 г. в Поттери один из бунтовщиков в Лонгтоне, неподалеку от Сток-он-Трента, тащил в костер рояль со словами: «Господь не выдаст — огонь меня не возьмет».¹⁰ Настоящие перемены в английской деревне начались лишь в 60-е гг.

На «Кельтской окраине» перемены приняли еще более затяжной характер. Голодные бунты вспыхивали в Корнуолле вплоть до 30-х гг. XIX в., а на Северном нагорье вплоть до «великого голода» 1847 г. Бунты против застав, прекратившиеся в самой Англии вскоре после наполеоновских войн, на севере и в Западном Уэльсе не затихали до 40-х гг. XIX в. В течение двух лет, с 1839 по 1842 г., «дочери Ревекки», вымазав сажей лица, в домотканых юбках, разрушали заставы и шлагбаумы на сельских дорогах в районе Карматена, Пемброка и Гламоргена.¹¹ На Северном нагорье фермеры, среди которых еще жива была память о сгонах с земли полувековой давности, в борьбе с лендлордами, управляющими имениями, магистратами, полицией и «чужаками» священниками прибегали к «прямым действиям» вплоть до 80-х гг. XIX в. (Насилие, впрочем, сводилось здесь к минимуму.) В Инвернесшире, в частности, свыше 200 человек были арестованы за участие в бунтах и нападение на полицейских в период с 1885 по 1888 г., то есть несколько лет спустя после так называемой «битвы на холмах» на острове Скай в 1882 г. — крупной стычки, завершившей «войну фермеров».¹²

Ссылки на источники

1. Более подробное описание этой изменявшейся с годами географии движений протеста см. в моей работе: *Protest and Punishment*, Oxford, 1978, p. 31—38.
2. О «деле королевы Каролины» см.: Stevenson J. в: *London in the Age of Reform*, под редакцией J. Stevenson. Oxford, 1977, p. 117—1148.
3. Rude, *Protest and Punishment*, p. 230.
4. The Secretary of the Black Committee of the Independent Luddites of Nottinghamshire Division" to R. Newcombe and Son, 11, November U816, P.R.O., H.O. 42/155, лит. в: Donnelly F.K. Ideology and Early English Working-class History: Edward Thompson and his Critics, *Social History*, № 2, May 1976, p. 226. Стиль этого документа, безусловно, свидетельствует о том, что он написан не простым рабочим-луддитом, а одним из более образованных сторонников движения, разделявшим радикальные идеи Коббета. Но независимо от его подлинности документ является образцом привнесенной в движение радикальной идеологии среднего класса, типичной для народного радикализма «доиндустриальной», «допролетарской» эпохи.

5. Hobsbawm and Rude. Captain Swing, p.102—103, 143.

6. Loveless G., The Victims of Whiggery. London, 1837.

7. Foster J. Class Struggle and the Industrial Revolution. Early Industrial Capitalism in Three English Towns. London, 1974.

8. Следует отметить, что Фостер не считает «ложное сознание» самодовлеющим фактором. Он отмечает, что «ложное» и «истинное» сознание, подобно другим компонентам человеческого существования, переживают периоды развития и упадка в историческом плане, то есть зависят от конкретных условий в значительно большей степени, чем от абсолютного или хотя бы частичного восприятия правильной идеологии. Таким образом, ложное сознание при благоприятных условиях имеет возможность превращаться в истинное, классовое сознание (или возржадаться как таковое). (Foster. Class Struggle, в частности, p.4—6).

9. *East Anglian*, 25 October 1831. **РОДНЫЕ НИЗЫ В ИСТОРИИ**

10. *Annual Register*, vol. 84 (1842), p.134.

11. Williams David. The Rebecca Riots; A Study in Agrarian Discontent. Cardiff, 1953.

12. Return of Offences committed in Crofting Parishes in the Highlands and Islands of Scotland, arising out of Disputes in regard to the Right to Land or the Rent of Land, during and since 1874, pp. 1883, LXXXII, 2—9. См. также: Richards Eric. Patterns of Highland Discontent 1(790-4860, в: *Popular Protest and Public Order*, под ред. J.Stevenson и R.Qumault. London, 1974.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

ПРОМЫШЛЕННАЯ БРИТАНИЯ

Выше речь шла о процессе развития народной идеологии от низкого уровня сознательности к более высокому; было показано, как идеология низов — рабочих и крестьян — постепенно обогащалась в результате усвоения новых идей, накопления политического опыта и непосредственного участия в борьбе. В данной главе ставится несколько иная задача — показать, что этот процесс определялся не только успехами, но и поражениями, а также объяснить, почему в Англии в рабочем движении после поражения чартистов наступил долгий период затишья (по выражению Энгельса, «сорокалетняя зимняя спячка»), сменившийся после недолгого оживления в 80-е гг. XIX в. чередованием побед и поражений — извилистой кривой на этой диаграмме развития рабочего движения в минувшем столетии.

Прежде всего следует остановиться на причинах кризиса в рабочем движении в середине века. Как случилось, что надежды, порожденные подъемом чартистского движения в 30—40-е гг., к 50-м гг. рассеялись, а высокий уровень классового сознания, которого, по данным Фостера, достигли, например, рабочие Олдгэма, не оставил никаких следов? Чаще всего и в первую очередь это объясняли тем, что английский капитализм, находившийся в состоянии кризиса и застоя в «голодные 40-е» и в предшествующие годы, постепенно стабилизировался, и Британия, превратившись в «мастерскую мира», вступила в период свободной торговли и торгово-промышленного господства. В результате возросли барыши имущих классов и кое-что стало перепадать широким слоям населения. Это весьма отрицательно сказалось на активности масс. Энгельс в своей работе «Положение рабочего класса в Англии» еще не мог предвидеть подобного развития; но в предисловии к английскому изданию этой работы, написанном значительно позднее — в 1892 г., признавал, что промышленное процветание улучшило положение фабричных рабочих, предотвратив перспективы революции, которую он предсказывал при жизни предшествующего поколения.¹ Э.Галеви, создатель теории, по которой стабилизирующим фактором английской жизни в начале XIX в. была религия, также признал, что в данном случае экономическое процветание сыграло большую роль, чем религия: описывая положение в Англии в 1852 г., он заметил, что более нет нужды искать причины порядка и устойчивости в английском обществе вне сферы экономики, как мы пытались это сделать в 1 томе (посвященном Англии 1815 г.).²

Такие объективные факторы, как промышленный подъем, дают, как правило, изначальный импульс процессу расслоения в рабочем движении; новые экономические кризисы, от которых не гарантировано капиталистическое общество, могут, напротив, повлечь за собой и новый его подъем. На протяжении второй половины XIX в. это случалось редко. Класс капиталистов и правительство, делившие прибыли, стремились разработать дополнительные конкретные меры, которые позволили бы им раз и навсегда сломить волю рабочих к сопротивлению. Какое-то время возможным решением представлялась им эмиграция населения в Канаду и Австралию, которая к тому же вполне соответствовала рецептам все еще популярного в те времена Мальтуса. Сомнительно, однако, что попытки сплавить рабочих активистов за границу привели бы к желаемым результатам. (Судя по современной карикатуре в «Панче», изображающей бедняка и работягу, чартиста, не устоявшего перед соблазнами эмиграции, это, видимо, считалось, возможным.) Другим средством решения вопроса была массовая пропагандистская кампания, инициаторы которой стремились убедить массы в ошибочности избранного ими пути. В конце 40-х гг. XIX в. целая когорта пропагандистов и апологетов классового сотрудничества проповедовала теорию социального мира. Сыграли свою роль в этом деле и христианские социалисты — Ф.Д.Морис, Чарлз Кингсли, Томас Хьюз, призывавшие всех братьев во Христе к сотрудничеству. Даже Томас Карлейль, с его репутацией смутьяна-«нонконформиста», в своих «новейших памфлетах» призвал предпринимателей вести со своими рабочими «честную игру», чтобы заручиться их поддержкой.³

Случайным или закономерным результатом всею этого и было рождение так называемой «рабочей аристократии». По-разному объясняя причины ее появления, историки сходятся во мнении, что рабочей аристократией была привилегированная верхушка промышленных рабочих, стремившихся обезоружить свой класс идейно и тем самым помочь предпринимателям сохранить стабильность и социальный мир. Признаком принадлежности к рабочей верхушке нередко был более высокий заработок, выплачивать который капиталистам в период значительного роста прибылей не составляло труда. И в любом случае рабочую аристократию отличала линия на классовое соглашательство, которую вышедшие из ее рядов рабочие лидеры и идеологи проводили как во время избирательных кампаний, так и постоянно на предприятиях. Некоторые историки, в частности Хобсбом и Фостер, считают, что рабочая аристократия возникла в 40—50-е гг. XIX в., другие придерживаются положений В.И.Ленина и относят ее появление к более поздней, империалистической стадии капитализма.⁴ С первой точки зрения, понятию «рабочая аристократия», относящемуся в данном случае скорее к группе лидеров, а не к рабочим, которые формировались по их образу и подобию, более всего соответствует известная «хунта» в составе Аллана, Энлгарта, Оджера и небольшой группы других руководителей, вершивших в течение 50—60-х гг. дела профсоюзов «нового типа». Несмотря на определенные заслуги и некоторые, безусловно, новаторские начинания, оказавшие влияние на все последующее развитие профсоюзного движения, эти лидеры, как писали С. и Б.Вебб, «безоговорочно переняли экономический индивидуализм своих противников из среднего класса и добивались свободного права на создание союзов только в пределах, определенных более просвещенными представителями среднего класса».⁵ Роберт Эплгарт, давая показания перед Королевской комиссией по делам тред-юнионов в 1867 г., следующим образом изложил условия приема в свой профсоюз (Объединенное общество плотников и столяров):

«Вступающий в профсоюз должен обладать хорошим здоровьем, иметь пятилетний стаж работы по профессии, быть хорошим специалистом, человеком морально устойчивым, со сложившимся характером, не старше 45 лет».⁶

Признавая, что одним из основных факторов, влиявших на процесс расслоения рабочего класса, было возрастание национального богатства, Джон Фостер указывает и на целый ряд других методов и приемов, разработанных отдельными группами капиталистов или всем классом в целом для стабилизации общества и промышленности. Комплексное применение всех этих методов Фостер, называвший его «либерализацией», описывает на начальной ее стадии — в 40-х гг. XIX в. — на примере того же Олдгэма, где она принимала самые различные формы: дифференциация заработной платы в целях разъединения рабочих; отрыв рабочей массы от ее признанного авангарда путем принятия половинчатых мер в интересах рабочих; поддержка буржуазными политиками требования о 10-часовом рабочем дне, что делало неизбежный компромисс более приемлемым для рабочих; принятие тори и последователями Коббета радикальных рабочих лозунгов, суть которых они впоследствии извращали. В Олдгэме, например, в 1852 г. был принят совместный манифест, его авторы наряду с требованием 10-часового рабочего дня и отмены закона о бедных подчеркивали необходимость «поддерживать справедливое равновесие между трудом и капиталом и особенно защищать трудящиеся классы от растлевающего влияния ложной политэкономии».⁷

Необходимым условием упрочения этого классового партнерства между рабочим и предпринимателем было искоренение тяги рабочих к выработке своего классового сознания. Этой цели и послужила созданная правящим классом единая система ценностей — институтов, ритуалов и социальных ролей, всего того, что Трюве Толфсен определил понятием «связующей культуры». Толфсен показал, как в течение всего лишь двадцати лет удалось заменить «культуру, раздираемую социальными противоречиями», другой — «связующей культурой», представлявшей собой «систему общепризнанных ценностей, институционализированную и укоренившуюся в обществе». Главными составными элементами ее он считает:

1. Стремление добиться личного успеха и продвижения упорным трудом, соблюдением трудовой дисциплины и бережливостью — основной принцип, которого в равной степени придерживаются и рабочие и предприниматели, внося свой вклад в выполнение общих задач.

2. «Моральное совершенствование» рабочего класса как постоянная цель.

3. Проповедь личных добродетелей, включая трезвость и призыв к спасению души.⁸

Все эти идеи насаждали и укореняли самыми различными способами и чрезвычайно быстро; определенную роль сыграли здесь рабочие клубы, газеты, воскресные школы, школы механиков, общества взаимного совершенствования, читальни, библиотеки, сберегательные кассы, церкви, молельни. Толфсен приводит несколько примеров, цитируя, в частности, принятый в 1865 г. устав рабочего клуба в Ньюкасле, вменявший его членам в обязанность «светские контакты, взаимопомощь, интеллектуальное и моральное совершенствование, разумный досуг».⁹ Толфсен, правда, оговаривается, что капитуляция перед буржуазной идеологией была не столь полной, как ото кажется на первый взгляд. Во-первых, рабочие не воспринимали некритически всю систему ценностей «среднего класса». Прежде всего это касается свободы предпринимательства, пропагандировавшейся в то время апологетами вроде Самуэля Смайлса. В подтверждение Толфсен цитирует газету «Бихейв» за 1860 г., которая, призывая к «эмансипации рабочих путем самоусовершенствования», разоблачала в то же время пороки неограниченной конкуренции. Более того, причины капитуляции рабочих перед идеологией «среднего класса» были заложены еще в самом чартистском движении. Соглашательские идеи в зародыше содержались уже в призывах радикалов того периода. Так, например, группа оуэнистов в Хаддерсфильде в 1844 г. призывала «классы к взаимному совершенствованию... взаимному содействию в моральном и социальном развитии и к духу взаимной симпатии». В чартистском циркуляре 1841 г. говорится:

«Мы признаем, что классовое законодательство навлекло на нас неисчислимые беды, затуманило умы и разбило сердца целого поколения тружеников, но мы не можем забывать и о том, что свобода не улучшит положение человека, являющегося рабом собственных пороков».¹⁰

Таким образом, уже в предшествующий описываемому период рабочего движения некоторые представители чартистов и близких к ним групп ставили во главе угла самоусовершенствование и спасение души, готовя тем самым почву для последующей капитуляции перед господствующей буржуазной культурой и создавая предпосылки для того, чтобы капитуляция эта прошла гладко и безболезненно. Внимание к вопросам личного совершенствования в конечном счете оказалось не столь уж серьезной помехой для последующего развития рабочего движения, напротив, оно даже помогало серьезней подойти к организационным вопросам и экономней расходовать наличные ресурсы, чего явно не хватало таким недолговечным организациям, как оуэнистский Национальный объединенный союз профессий, созданный за двадцать лет до этого. У лидеров нового типа было чему поучиться; при всей своей «респектабельности», стремлении подражать образу жизни «среднего класса» и заимствовать его ценности, они, бесспорно, имеют и заслуги перед более поздними поколениями: создав прочные национальные организации, по крайней мере для квалифицированных рабочих и шахтеров, они оставили своим потомкам в наследство немалый капитал, приносивший большие проценты. Следует помнить также, что именно в эти в высшей степени благонадежные времена возникли Лондонский совет профсоюзов и Конгресс тред-юнионов, а в 1872 г. Джозеф Арч создал первый крупный профсоюз сельскохозяйственных рабочих. И сам Арч, подобно представителям предшествующего поколения руководителей Аллану и Эплгарту, на протяжении всей своей жизни был твердым сторонником «опоры на собственные силы и свободы», «порядка и прогресса».¹¹

Нельзя забывать и о том, что распространение идеалов «среднего класса» с 40-х гг. XIX в., хотя и задержало развитие классового сознания рабочих в промышленных районах, не было само по себе абсолютным злом. Эти идеалы легли в основу общенациональной «культурной стабильности» викторианского периода, сохранявшейся вплоть до середины 70-х гг., когда Германия и США бросили вызов торгово-промышленному господству Англии; последовавшая серия кризисов в сельском хозяйстве и промышленности, сменявших друг друга до конца 80-х гг., вызвала массовую безработицу и рост недовольства. В этой обстановке и была предпринята первая серьезная попытка объединить неквалифицированных рабочих (докеров и газовщиков).¹² В профсоюзы впервые стали широко проникать марксистские идеи. Именно в это время (в начале 90-х гг. XIX в.) Уильям Моррис, член основанной незадолго до этого Социалистической лиги, заявил, что непосредственной задачей социалистической партии должна стать выработка подлинно социалистического сознания у рабочих, которым наконец необходимо «осознать себя силой, противостоящей несправедливому обществу, и единственными членами нового, справедливого общества».¹³ В мае 1890 г. британские профсоюзы, несмотря на возражения консервативно настроенных лидеров старых профсоюзов, приняли участие в праздновании международного дня 1 Мая, проведенного в Лондоне под лозунгом борьбы за 8-часовой рабочий день. Энгельс назвал это событие важным и грандиозным. «4 мая 1890 г., — писал он, — *английский пролет ариат*, проснувшись от сорокалетней зимней спячки, снова включился в движение своего класса... Внуки старых чартистов вступают в боевые шеренги».¹⁴

Но надежды, которые породили у социалистов эти события, быстро развеялись. Выйдя из кризиса, создавшего предпосылку для «нового юнионизма», оживления социалистических настроений и развертывания кампании за 8-часовой рабочий день, Англия, так же как и Германия, Франция, Россия (позднее и Америка), вступила в стадию империализма. Империализм, оправдав соответствующие расчеты Сесилия Родса и Джозефа Чемберлена, породил у английских рабочих те же чувства защищенности и превосходства над своими товарищами за рубежом,

которые у рабочих периода Великой выставки вызвала уверенность в торговом превосходстве Англии над ее соперниками. Конечно, в периоды кризисов — в 1911 — 1914 гг., 1920—1922 и в 1926 г. — рабочие начинали понимать, что плоды колониальной экспансии распределяются между классами неравномерно; но радужным надеждам 1890 г. так и не суждено было оправдаться: отсутствие у английского рабочего движения социалистической теории сужало, как отмечал Энгельс, классовое сознание.

Одного лишь непрекращающегося процесса развала империи, разумеется, недостаточно, чтобы английские рабочие сами по себе сразу отреклись от убеждений, вырабатывавшихся в течение столетия. Растлевающее влияние колониализма и память о былой славе все еще довлеют над твердолобыми консервативными функционерами, составляющими ядро английского рабочего движения. Не следует, однако, считать, что все так и останется на веки вечные. «Ложное» сознание не отделено от «истинного» китайской стеной, как думают некоторые. Рабочие помнят не только о поражениях, но и о победах. Влияние даже самой изощренной пропаганды на глубоко укоренившиеся взгляды и убеждения не беспредельно. Ричард Хогарт, анализируя влияние на рабочих Лидса сладкоголосой буржуазной прессы и других мультипликаторов развращающих идей общества потребления 50-х гг. XX в., пришел к правильному в основном выводу: «Рабочий класс обладает врожденной способностью противостоять перерождению, *воспринимая и усваивая только то новое, которое ему необходимо, и не придавая значения всему остальному*». ¹⁵

Это само по себе обнадеживает. Однако внимательный читатель может возразить, что в этой цитате речь идет лишь об «унаследованных» убеждениях. Для победы в решающих классовых битвах одних их недостаточно. Чтобы одержать победу, простые труженики, прежде всего рабочие и крестьяне, должны обогатить свою идеологию «привнесенными» идеями, обобщением опыта классовых битв прошлого, всем тем, что Маркс и Энгельс независимо друг от друга называли теорией.

Ссылки на источники

1. См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.22.
2. H a l e y E.A History of the English People, IV, 337; цит. в: Tholfsen Trygve R. The Intellectual Origins of Mid-Victorian Stability. — *Polit. Sci. Quart*, LXXXVI (March, 1971).
3. Smith R. B. Loc. cit.
4. Moorhouse H.F. The Marxist Theory of the Labour Aristocracy *Social History*, II (January 1978), 61—82.
5. Webb S. and B. The History of Trade Unionism, London, 1896, p.22H.
6. Первый доклад Королевской комиссии по делам тред-юнионов, PP 1867, XLV (8), 12—13; цит. в: *Contemporary Sources and Opinions in Modern British History*, под редакцией L. Evans and P. Pledger, 2 vols, Melbourne, 1967, II, 40—42.
7. Foster. Class Struggle., p.203.
8. Tholfsen, p.61.
9. Ibid., p.63—64.
10. Ibid., p.68.
11. Dunbabin J.P.D. Rural Discontent in Nineteenth-Century Britain. London, 1974, p.262.
12. О значении забастовки докеров 1889 г., давшей пример организованности, дисциплины и целеустремленности лондонским «низам», стихийно выступавшим в 1886 г., см.: Jones Gareth Stedman. Outcast London. Oxford, 1971, p.315—321.
13. Цит. в: *Political Writings of William Morris*, под редакцией A.L. Morton, p.232—233.
14. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т.22, с.64, 70.
15. H o g g a r t R. The Uses of Literaci. London, 1957, p.52 (курсив мой. Дж.Р.).